

ГОСИННИ

САМПЕ

МАЛЫШ НИКОЛЯ И ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Machaon

Рене Госинни
Малыш Николая и
воздушный шар
Серия «Малыш Николая»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015869

Малыш Николая и воздушный шар : рассказы / Р. Госинни: Албука-Аттикус, Махаон; Москва; 2016

ISBN 978-5-389-13726-4

Аннотация

Встречайте нашего маленького знакомого Николая! Вы наверняка помните, какие забавные истории приключились с ним и его школьными друзьями. Эти непоседы всегда здорово и весело проводили время – играли, проказничали, иногда ссорились, случалось, даже дрались, но потом непременно мирились.

На страницах этой книги – новые истории из жизни сорванца Николая и его приятелей-выдумщиков. А те, кто ещё не знаком с этим обаятельным и непосредственным мальчишкой, советуем обязательно прочитать и другие рассказы о нём.

Содержание

От издателя	11
Пасхальное яйцо	13
Джемпер	23
Телевизор у Клотера	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рене Госинни

Малыш Николя и воздушный шар

© 2009 IMAV éditions / Goscinny-Sempé

© Crédit photos – DR

© Левин В. Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

* * *

Жильберту Госинни

Знакомиться с песней, не зная её мелодии... Присутствовать на опере, где нет костюмов и декораций... Переживать перипетии пьесы, лишь глядя в текст, когда ты сам и предатель, и тот, кого он предал, и любимый, и брошенный... Познакомиться с киносценарием, не узнав, как с ним поступит камера... Окажись мы в таких условиях, что за грустная жизнь нас ждала бы, каким серым бы стал мир!

Вообразите: Фернанда, Пенелопа или жена Гектора – без голоса Брассанса, гитары и контрабаса. Фернанда ни на кого бы не произвела впечатления, Пенелопа довольствовалась бы своим Улиссом из пригорода, а жена Гектора, лишившись мелодии, так и осталась бы со своей нерастраченной нежностью¹. Конечно, рифмы никуда не делись бы, но эти истории оказались бы... просто историями.

Моцартовский «Дон Жуан», где Дон Жуан не сталкивается с Командором, где шпагу заменил пюпитр, а в сцене последнего ужина звучит только бас. Опера осталась бы гениальной, но, разойдясь в разные стороны, музыка и драма ослабили бы впечатление друг от друга, а мы лишились бы половины эмоций.

В свете (слишком слабом) ночника быть голосом и Федры, и Ариции. Переживать за одну, ненавидеть другую. Потом переживать за другую и презирать первую. Любя Иппо-

---

¹ Фернанда, Пенелопа, жена Гектора Андромаха, Улисс – персонажи песен популярного французского автора и исполнителя Жоржа Брассанса.

лита, по очереди быть той, кто ему ненавистна, и той, кого он любит. Разрываться от тезеевского² желания сказать всем этим голосам: «Замолчите!»

Не видеть, как Трюффо показывает историю дикого ребёнка, а лишь слышать голос юного Виктора³. И при этом не терять смысла, который где-то притаился, ожидая нас.

А теперь представьте себе историю о малыше Николая без иллюстраций.

Останутся история, партитура, язык и иллюзия ребячьего мира.

Эмоции рождаются при соединении двух талантов. Слово одного рождает штрих другого. Но без штриха слово обесцвечено. Как же добиться, чтобы улыбка человека, умершего тридцать лет назад, совпала с движением ныне живущего?

Я у Жан-Жака Сампе. Студия на Монпарнасе, на последнем этаже дома номер тридцать. В глаза бросается рабочий стол художника. Кое-что на этом столе привлекает взгляд. Разноцветные облачка-куколки. Художник объясняет:

– Я пробовал кисти.

– Жан-Жак, мне надо с тобой поговорить. Дело сложное.

Во всяком случае, непростое.

– Ну?

---

² Федра, Ариция, Ипполит, Тезей – здесь: персонажи трагедии французского драматурга Жана Расина «Федра».

³ Речь идёт о фильме французского режиссёра Франсуа Трюффо «Дикий ребёнок» (1970); Виктор – имя главного героя.

– Так вот, у меня завалились десять историй о малыше Николая. И хотя основное – слова – есть, не хватает главного – рисунков.

– Ага.

– Эти слова не имеют смысла без твоих рисунков. Пони-
маешь, это как...

– Чёрно-белые облака?

– Точно!

И я представляю себе партитуру, ноты в которой – ма-
ленькие цветные пятнышки. Партитуру, написанную для
двух голосов, один из которых замолчал больше тридцати
лет назад. Но остаётся второй.

Я вышла из студии, спустилась на лифте и растворилась в
городе. Я представила себе: вот Жан-Жак смотрит, как я иду
по этому тротуару бульвара Монпарнас. Маленькая фигурка
в акварельном облачке. Персонаж Сампе.

Через несколько месяцев Жан-Жак просит меня зайти к
нему. «Хочу тебя кое с кем познакомить», – говорит он.

Его студия, ставшая призрачной, когда в прошлый раз я
ушла из неё, сияет ещё сильнее.

Волнуясь, как девушка перед первым свиданием, я по-
правляю причёску в лифте.

Меня ждал маленький мальчик. Он был тут – в своём ду-
рачком джемпере, грустный оттого, что взрослые его не по-
нимают. Он правда был тут! Под кистью Сампе через трид-
цать лет после смерти моего (и его) отца малыш Николая сно-

ва ожил – я увидела его. От пустыря до новой бакалейной лавки, от витрины, в которой заперты безделушки, до выдуманного цирка, от красного воздушного шарика до театральной ложи – Николя разгуливает по своему детству через пятьдесят лет после рождения.

Из-за нежности, которую вызывают эти рисунки, мои глаза блестят, и Николя, рассерженный и усталый, проказливый и драчливый, улыбается изнутри историй, которые с ним ещё не случались.

Смотритель маяка снова тарашится на Фернанду, Дон Жуан красуется в пышном костюме, статуя Командора ужающе правдоподобна, голос у Федры гуще, чем у Ариции, а юный Виктор убедительно рассказывает о себе с помощью камеры Трюффо. Сампе остановил время, не прикасаясь к часам. Взгляд Николя, пожалуй, стал немного печальнее. Взгляд ребёнка, за которым стоят пятьдесят лет, полных историй. Не стоит стирать то, что вызывает у нас грусть; надо жить с этим, а шрамы оправдывают время, подарившее их.

Анн Госинни

square, et puis celle de Poirier
 re, et qui se trouve à Bains-les-
 Beau-Rivage, où nous avons passé
 man, et qu'on voit de la salle
 c'est une chouette statue en fe
 vue l'hôtel de la Plage, et dan
 en parler. ...
 Quand je suis arrivé dans le t
 déjà, et ils m'attendaient dan
 que dans le quartier, nous av
 on trouve de tout, et surtout
 rigole bien, en faisant "vrou
 lages, et des tas de choses.
 -Eh ben, te presse pas, ça fa
 ma dit Hales, qui conduisait.
 -Je vais avoir une auto, une
 -Ton père achète une nouvelle
 -Non, j'ai répondu. Ce sera t
 Et je leur ai expliqué le co
 et que je n'y connaissais dr
 vais déjà la réponse à la qu
 -ça o'...ette, tu as de
 -Bah... trois vo
 fr... dans Goscinny

NICOLAS
 Le Coeur...
 Jeudi, après déjeuner, comme j'avais
 avant de retrouver les copains au terrai
 assés dans le fauteuil, et j'ai pris le j
 avait laissé avant de partir à son travail.
 Comme d'habitude, à part les photos et les de
 avait rien à lire dans le journal, sur dans le
 et là, c'était formidable! Il y avait un Grand
 le premier prix offrait une auto! On voyait
 et c'était une auto chouette comme tout.
 disaient que tous les jours, ils allaient
 montent, et qu'il fallait le recom
 vait. C'était drôlement fastidieux.
 J'ai tout de suite
 est à Paris
 com...

На рабочем столе – рукопись рассказа Рене Госинни «Конкурс», написанного в 1960-е годы, и акварель Сампе, нарисованная весной 2008 года.

От издателя

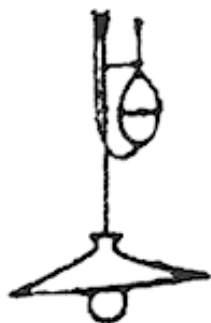
Начать эту книгу о малыше Николая с «Пасхального яйца» не такое уж бессмысленное дело.

Посудите сами: мы очутимся в далёком 29-м дне месяца марта 1959 года, когда этот рассказ, потом не попавший в книги, появился на страницах воскресного издания «Сюд-Уэст Диманш» – первый из длинной серии историй. Многие читатели открывают его для себя через пятьдесят лет... Полвека? Уже? Эту самую первую историю мы и предлагаем вам в том виде, в каком она была напечатана более пяти десятилетий назад: с теми самыми иллюстрациями и персонажами. А ведь, по сути, из «Пасхального яйца» и родился малыш Николая.

К остальным рассказам иллюстраций вообще не было. Эти истории были написаны в прошлом столетии, нарисованы в начале нынешнего и вот сегодня публикуются для вас.

Пасхальное яйцо

Я очень люблю Пасху. В этот день дома так весело! С утра папа принялся раскрашивать яйца; он не хотел, чтобы я помогал, и назвал меня криворуким, сказал: весь в мать пошёл. Папа начинает красить яйца в столовой, но каждый год – во всяком случае, из тех двух, что я помню, – заканчивает свою работу на чердаке, потому что всегда разбивает одно-два яйца на обеденном столе (в этом году), на ковре (в прошлом году) или на мамином платье (в позапрошлом году, когда я ещё был совсем маленьким), а мама идёт жаловаться своей маме, и все плачут.

Когда папа спустился с чердака, яиц стало ещё меньше, чем было, зато они такие красивые! Синие, красные, зелёные, разноцветные – точь-в-точь как папины брюки. Он был очень горд, когда я сказал, что никогда не видел такой красоты. Мама тоже сказала:

– Можешь гордиться собой.

Она не шутила, потому что совсем не смеялась, когда это говорила.

Потом папа пошёл в сад и спрятал яйца в траве. Трава высокая, и яйца найти очень трудно. Папа сказал маме, что здорово прятать там пасхальные яйца и как кстати он давно не включал газонокосилку. Тут случилось маленькое происшествие: папа подрался с большой собакой, которой были очень нужны яйца и она пришла за ними в сад. Папа победил. Но мне нельзя сразу искать яйца, потому что должны прийти мои друзья, чтобы помочь и ещё чтобы немножко полакомиться.

Мои друзья приходят с подарками: с шоколадными яйцами, шоколадными зайцами и другими шоколадными штуками. Мама говорит, что, когда она это видит, у неё болит печень. Потом, когда я всё съем, мне бывает плохо, но это так вкусно!

Когда мои друзья пришли, папа повёл всех нас в сад и там сказал:

– А теперь, ребята, ищите яйца!

У меня для папы был сюрприз – ведь он никогда с нами

не веселился! Я сказал ему:

– Ты тоже, папа! Ищи вместе с нами! Я спрятал в траве твои часы!

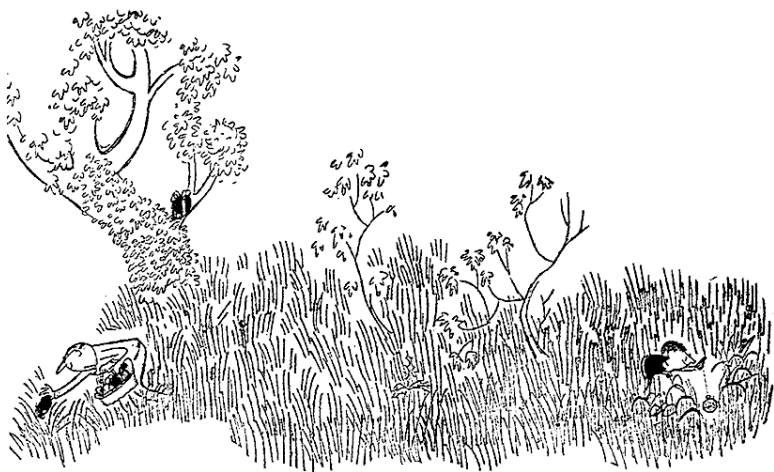
Тут папа стал красным, посмотрел на меня большими глазами, наверное, чтобы было смешно, и тоже принялся искать.

Месье Бледур, наш сосед, глядел на нас из-за забора, а потом сказал папе:

– Ты не великоват, чтобы искать яйца? – и начал смеяться.

Тогда папа, который ещё не нашёл свои часы, поднял голову и сказал:

– Ты и свой нос не нашёл бы, чтобы высморкаться, если только тебе не сообщили бы, где его искать на твоём толстом теле.

А месье Бледур сказал, что на спор найдёт яйцо за тридцать секунд. Он перепрыгнул через забор и выиграл, потому что, когда свалился в нашем саду, то раздавил одно яйцо своей замшевой туфлей.

Папа долго смеялся, оттого что туфля господина Бледура стала жёлтой и синей.

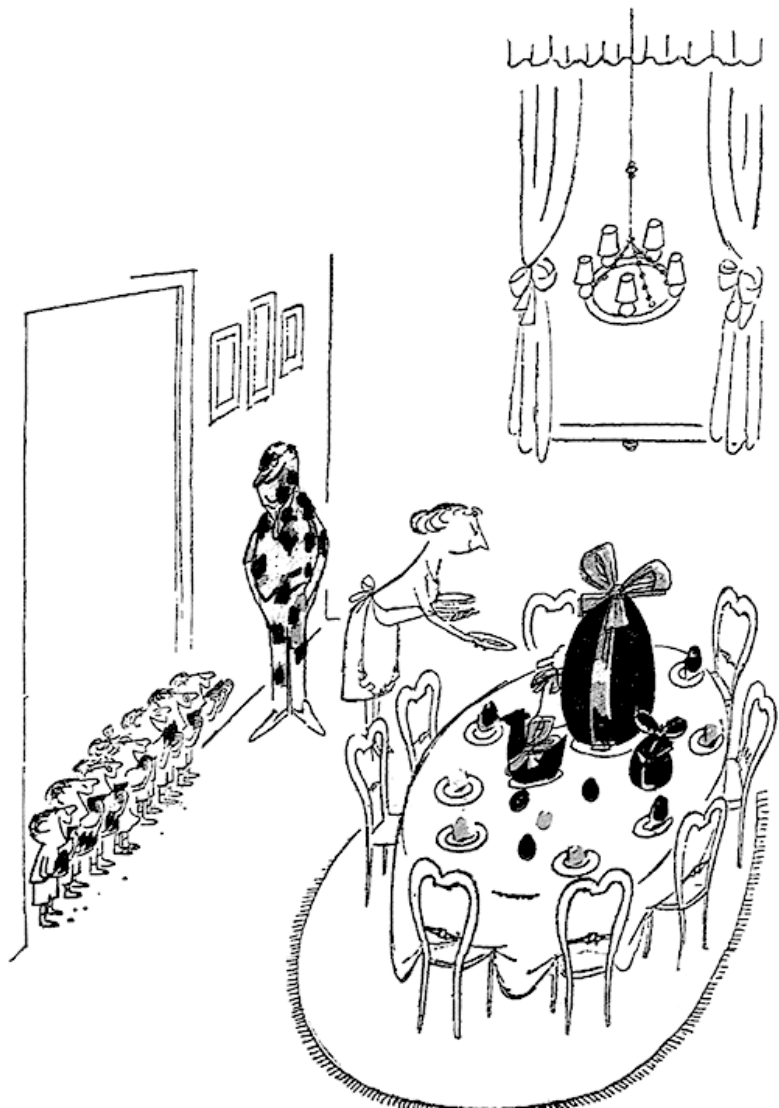
Месье Бледур посмотрел на папу большими глазами (но не для смеха) и толкнул его. Папа упал и закричал, потому что нашёл свои часы, только немного сломал, когда сел на них.

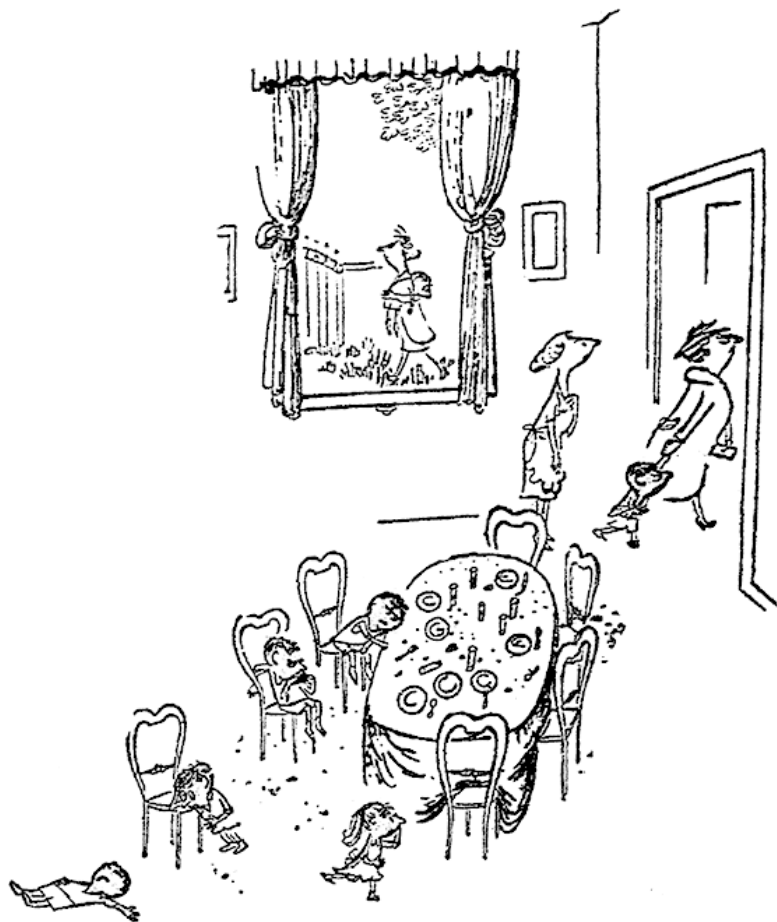
Мы не видели, чем у них всё закончилось, так как мама позвала нас к столу. Мы ушли из сада, а там остались кричать месье Бледур и папа, а ещё пришла большая собака, чтобы

под шумок отыскать яйца, которые мы не нашли.

В доме мы так повеселились! Мама дала нам шоколад, а ещё она сделала шоколадный торт, и заодно мы ели подарки.

Толстяк Альцест всегда ест очень быстро. Он заболел первым. Потом все остальные, кроме Жозефа – он самый худой, но может съесть много, потому что придумал отличную хитрость: он завёл червя-солитёра, который болеет вместо него.

Мама позвонила мамам всех моих друзей, чтобы их быст-

рее забрали. Мама пришла и когда входили, то все странно качали головой. Они хватали своих сыновей за руки, тащили на улицу, а маме говорили, что непонятно, зачем так перекармливать детей.

Потом я понял, почему мамы странно качали головой. По дороге в дом они проходили через сад, а там на траве сидел папа в разорванной рубашке, из носа у него текла кровь, и он говорил такие вещи, которые мне не надо понимать, как сказала мама.

Мама сидела в кресле, и глаза у неё никуда не смотрели. Надо сказать, в столовой был небольшой беспорядок и повсюду какие-то пятна. Папа увидел это и захотел, чтобы у мамы стало хорошее настроение. Он сказал, что сейчас будет шутить. Я обрадовался, потому что знал эту шутку: папа повторял её каждый год. У папы есть друг, которого зовут месье Клош. В Пасху папа звонит ему и желает счастливого пути в Рим, а я всегда смеюсь.

Но на этот раз всё вышло не как обычно, потому что месье Клош, кажется, сказал, что на самом деле завтра едет в Рим со своей женой. Тогда мама начала плакать и говорить, что никогда никуда не ездит и годится только на то, чтобы приводить в порядок эту столовую, которая всё равно лучше не станет.

Тогда папа, чтобы её успокоить, пообещал на Троицу тоже съездить с ней в Рим.

Да, мы здорово повеселились в Пасху, я никогда не забуду

этот день. Папа тоже – он так и сказал:

– Я ещё ему припомню!

Надеюсь, у вас будет так же весело, как у нас, и потому говорю вам: «Весёлой Пасхи!»

Джемпер

Сегодня утром, когда мама пришла меня будить, она сказала:

– Скорей вставай, Николая, у меня для тебя сюрприз.

– Машинка? – спросил я. – Товарный вагон для моего поезда? Авторучка? Мяч для регби?

– Нет, – ответила мама. – Джемпер.

Конечно, я был разочарован, потому что одежда – ну какой же это сюрприз! Но мне не хотелось огорчать маму, и я ничего не сказал. Встал, сходил в туалет, умылся, а когда вернулся в свою комнату, мама показала джемпер – он был голубой, с тремя жёлтыми уточками, одна над другой, и я заплакал.

– Что на тебя нашло? – спросила мама.

– Я не хочу это надевать, – сказал я. – Все в школе будут надо мной смеяться.

Что тут началось! Мама сильно рассердилась и сказала, что я неблагодарный, что она обегала все магазины, что она чуть с ума не сошла, пока не отыскала такой прекрасный джемпер, что это очень хороший джемпер, что я ничего не понимаю и что я надену его как миленький.

– Он для маленьких! – закричал я.

– Тебя выпороть? – спросила мама.

Я понял, что ей сейчас не до шуток, надел этот джемпер и спустился с мамой в столовую. Папа как раз собирался пить кофе.

– Славно день начинается, – сказал папа. – Чего это вы там кричали? Что случилось?

– Случилось то, что нашему месяе Николая не понравился новый джемпер, который я ему купила, – ответила мама.

Папа посмотрел на мой джемпер и удивлённо раскрыл глаза. Он засмеялся и спросил маму:

– Где ты это раскопала?

– У Барбанблока, – сказала мама. Она не смеялась. – А что, тебе не нравится?

– Нет, нет, ну что ты, – ответил папа. – Только... Тебе не кажется, что наш малыш чуть великоват для этого... для этих уточек?

– А что, месяе Николая подошёл бы жилет с цепочкой для часов? – уточнила мама, фыркнув.

– Да, да! – обрадовался я.

– Николая, замолчи! – крикнула мама. – С меня хватит. Пей свой кофе. Тебе уже в школу пора.

– Я не пойду в школу в этом джемпере! – закричал я. – Я хочу жилет!

Тут папа ударил кулаком по столу.

– Николая! – крикнул папа. – Будь добр не разговаривать с мамой в таком тоне! И если она тебе что-то дарит, ты должен сказать «спасибо» и носить это с гордостью.

– Тогда почему, – спросил я весь в слезах, – ты никогда не носишь галстук, который подарила тебе мама?

– Галстук? – нахмурился папа. – Галстук? При чём тут какой-то галстук?

– Да, а правда? – сказала мама. – Ты совсем его не надеваешь. Я купила этот галстук у Барбанблока. Он что, тебе не нравится?

– Нравится, нравится, – ответил папа. – Просто он ещё новый, и я боюсь его испачкать. А потом, для офиса он немножко легкомысленный, и вообще... Николая! Закончили на этом! Вытри нос, допивай свой кофе и поторапливайся, а не то опоздаешь!

Мы с папой вышли из дома вместе. На улице, перед тем как нам пойти в разные стороны, папа сказал:

– Знаешь, Николая, что касается одежды, у женщин не всегда такой же вкус, как у нас. Не то чтобы они совсем неправы, но, в общем, надо смотреть на это спокойно, а главное, никогда не огорчать маму... Ладно, беги в школу, учись, будь

умницей... и держись!

Всю дорогу в школу я мучился, потому что знал: все будут смеяться надо мной, когда увидят этих уток. Я застег-

нул пиджак доверху, но нижняя смеющаяся утка всё равно была видна. Если мне хоть кто-нибудь что-нибудь скажет, я ему дам по морде, честное слово. Когда я вошёл в школьный двор, в горле у меня стоял ком.

Ребята собирались играть в шары. Заметив меня, Альцест повернулся.

– Будешь играть? – спросил он.

– Нет, – сказал я. – И вообще, оставьте меня в покое!

– Ты чего, обалдел? – удивился Эд.

– А если мой джемпер вам не нравится, могу и по морде надавать! – закричал я.

– О! Утка! – обрадовался Жоффруа. – У Николая утка!

И Жоффруа стал ходить вперевалку, махать руками и кричать: «Кря-кря! Кря-кря!» Тут он налетел на Бульона, нашего воспитателя, который не любит, когда его толкают.

– Так, так! – сказал Бульон Жоффруа. – Друг мой, вижу, вы хотите, чтобы я поставил вас в угол и отучил паясничать? А?

Бульон отошёл в сторону, покачивая головой, а ребята столпились вокруг меня.

– Ха! Дай-ка разглядеть твоих уток! – сказал Жоаким.

Тогда я бросился на него, но подражаться мы не успели, потому что Клотер закричал:

– Внимание! Бульон!

– Вы что, драться собрались? – спросил Бульон. – Смотрите мне в глаза! Ну!.. Вот так-то лучше! Что-то вы все сегодня буйные с утра! Глядите у меня, бездельники!

Когда Бульон снова отошёл, я сказал ребятам, что они болваны, что, наверное, у них с утра не все дома, что я с ними больше не разговариваю и что они заткнутся, когда я приду в школу в жилетке с цепочкой для часов, которую мне обещали родители. Но они – вот ведь кретины! – продолжали крикать и ходить вперевалку, а я стал раздавать им оплеухи. Но тут Бульон включил звонок, и я пошёл со всеми в школу вне себя от злости.

В классе учительница начала объяснять тему по грамматике, а я услышал у себя за спиной, как Жоффруа тихонько крикает. Тогда я под партой ударил ногой Альцеста, который сидел со мной и смеялся, и Альцест выронил свою недоеденную булочку и завопил:

– Ты достал всех со своими утками!

А учительница стала стучать по столу линейкой и кричать, что мы ведём себя как маленькие дикари, что с неё довольно, что мы у неё попляшем, что она видела, как я бил ногой своего товарища, и потом спросила, что всё это значит. Я заплакал, а учительница сказала, что это не ответ. Тут Аньян поднял руку, и учительница спросила, что он хочет, и Аньян ответил:

– Это из-за его джемпера, мадемуазель. Они смеются над

его джемпером, потому что там утки.

У учительницы глаза стали большими. Она велела мне встать и подойти к её столу, и я пошёл, а сам плакал. Учительница посмотрела на меня, а потом сказала:

– Да у тебя очень красивый джемпер! На редкость эlegantный! Тебе повезло с родителями, раз они покупают для тебя такие прекрасные вещи! Не слушай своих товарищей,

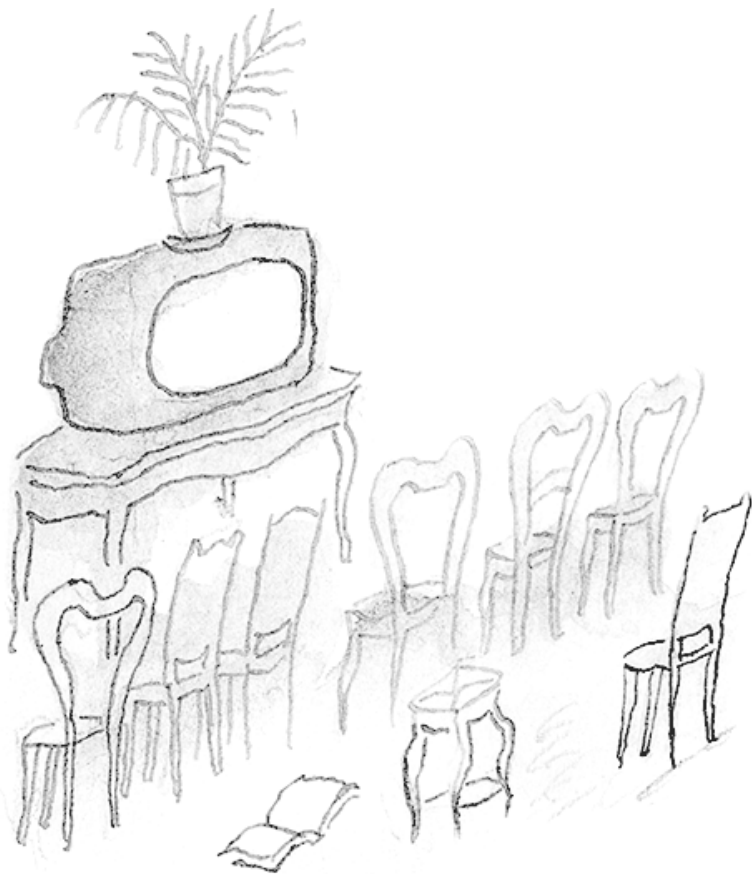
Николя! Они просто завидуют. Видишь, я даже не буду их наказывать – незачем. Ну всё, вытри слёзы, тебе так идёт этот джемпер!

Учительница провела рукой по моим волосам и потрепала по щеке, потом вытерла руку и велела мне высморкаться, а сама вызвала к доске Клотера.

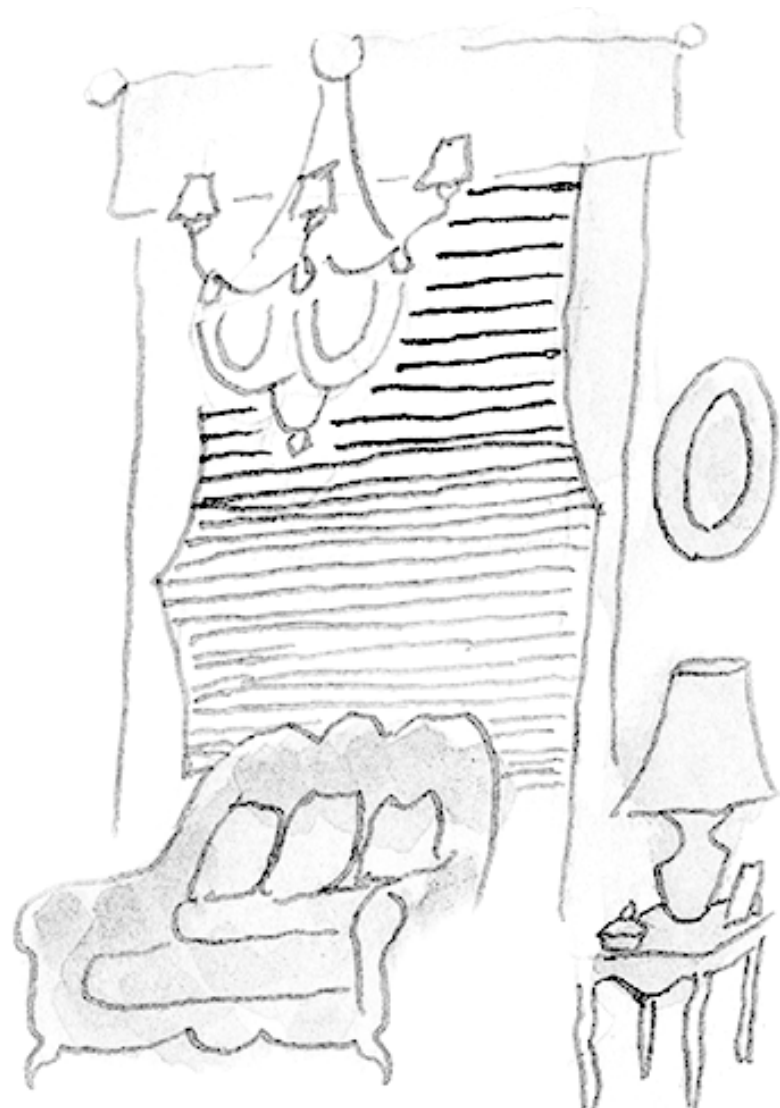
Вечером мы с мамой были очень горды, когда позвонила мама Жоффруа и спросила, где моя мама купила мне джемпер.

Телевизор у Клотера

Если я хорошо учусь, папа с мамой иногда разрешают мне позвонить Клотеру, чтобы он пригласил меня посмотреть телевизор. Беда в том, что Клотер учится хуже всех в классе и его папа с мамой часто не разрешают ему смотреть телевизор, так что я тоже остаюсь без телевизора, а это нечестно. Зря они так делают, папа с мамой Клотера, ну правда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.